

**ИБН-ХАЛДУН И «МИР-СИСТЕМА»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ВТОРЫМ ТОМОМ «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»**

**(РЕЦ. НА КН.: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ : В 6 т. / ГЛ. РЕД. А. О. ЧУБАРЬЯН. –
Т. 2: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА И ВОСТОКА /
ОТВ. РЕД. П. Ю. УВАРОВ. – М. : НАУКА, 2012. – 894 с.)**

А. Г. Глебов

Воронежский государственный университет

А. Ю. Золотарев

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2014 г.

Рецензирование фундаментальных коллективных трудов (равно как и их создание) – задача чрезвычайно сложная и едва ли осуществимая с той же дотошностью, с какой возможна оценка монографического исследования, поскольку ни объем рецензии, ни компетенции критиков не позволяют подробно разбирать каждую конкретную главу. Исходя из этого, внимание рецензентов неизбежно оказывается сосредоточенным на общем замысле, концепции публикации, что, по сути дела, сводится к оценке работы ее редактора, каковым в нашем случае выступает П. Ю. Уваров, который одновременно является автором или соавтором 186 страниц текста из 814.

Концепция данного издания «Всемирной истории», как и предыдущего, имеет своим приоритетом, скорее, раскрытие основных явлений, тенденций и закономерностей исторического процесса, нежели скрупулезное описание фактов и событий. Это делает издание удобным для восприятия не только специалистами, которые при желании могут почерпнуть детали из специализированных учебников, монографий или многотомных кембриджских историй (древнего мира, Китая, средних веков и т.п.), но и массовым читателем, интересующимся научными трудами по всеобщей истории. Очевидно, что такой формат издания был единственно возможным как по финансовым, так и по организационным причинам. К сожалению, в сфере масштабных исследовательских проектов наша историческая наука пока не может тягаться с зарубежной. Что говорить о всеобщей истории, если за постсоветское время пока еще не вы-

пущено ни одного многотомного обобщающего труда по истории нашей страны...

В целом, с поставленной задачей авторы и редакторы второго тома «Всемирной истории» справились, на наш взгляд, куда лучше создателей первого. Начать с того, что они не уходят от обсуждения понятия «феодализм» и вопроса о том, стояла ли за ним какая-либо социальная реальность. В рецензируемом томе правомерно уделяется внимание не только различным трактовкам феодализма, существующим в отечественной и зарубежной научной литературе, но и современным представлениям о политогенезе, сущности средневекового города, о факторах, связывавших воедино цивилизации Старого Света, придававших истории глобальное качество, наконец, о правомерности выделения самого понятия «средние века».

Разумеется, ожидать, что редакторам тома удастся привести все разделы такого объемного труда к полному единообразию, было бы наивным. Дело здесь, в первую очередь, в присутствии современной российской исторической науке методологическом плюрализме. Наряду с теми исследователями, которые продолжают активно использовать понятия «феодализм» и его производные (Г. П. Мельников, Е. А. Мельникова), среди авторов тома есть те, кто сознательно от него отказывается, предпочитая историко-антропологический подход, совмещенный с дискурсивным анализом (И. В. Дубровский), или же изучение структур и конъюнктур в неомарксистском ключе, но без использования «феодальной» терминологии (П. Ю. Уваров, Н. Н. Крадин, А. Л. Рябинин). Большая же часть очерков тома написана в позити-

вистском ключе и вообще не содержит ни ассоциированного с какой-либо конкретной методологией понятийно-категориального аппарата, ни общих рассуждений о движущих силах и закономерностях исторического процесса.

Второй причиной являются очевидные и скрытые организационные сложности, сопровождавшие появление на свет рецензируемого труда. Любой, кто хоть немного знаком с тем, кто есть кто в отечественной медиевистике и востоковедении, несомненно, придет в легкое замешательство при знакомстве с разделом «Содержание» второго тома «Всемирной истории». С сожалением приходится констатировать, что многие из специалистов по истории отдельных стран и регионов мира в его написании участия не приняли, поэтому, например, А. А. Майзлиш, изучающей историю Столетней войны, пришлось в одиночку писать параграф о Японии XIII–XV вв., а также выступить соавтором еще восьми параграфов по истории Индии, Кореи и Юго-Восточной Азии. В аналогичном качестве выступили П. Ю. Уваров (ученый с весьма широким кругом интересов, но связанных лишь с западноевропейской историей) в отношении параграфов по истории Китая и специализирующийся по истории Англии эпохи Плантагенетов А. К. Гладков, который внес вклад в то, чтобы тексты покойного Г. Г. Литаврина по истории Византии были включены в этот том. Результат подобной кооперации тем не менее, на наш взгляд, достаточно удачен. Авторам рецензии, которые не являются ни востоковедами, ни византинистами, затруднительно судить, насколько вышеуказанные части тома свободны от фактических и интерпретационных ошибок, однако с точки зрения стиля и доступности изложения они явно не пострадали. К тому же именно благодаря указанной кооперации рецензируемое издание в концептуальном смысле получилось куда более целостным, чем могло бы быть в той идеальной ситуации, когда каждый его параграф был написан узким специалистом. Тем не менее второй том «Всемирной истории», как и первый, ставит отечественной исторической науке не самый приятный диагноз: организационные возможности создания обобщающих коллективных трудов явно отстают как от достаточного по количеству и качеству кадрового потенциала, так и от потребности в их написании.

Переходя к анализу самой концептуальной составляющей второго тома «Всемирной истории», следует начать, вероятно, с оценки структуры издания. Она носит преимущественно хронологическо-страноведческий характер: каждый раздел посвящен отдельному этапу истории средневекового мира: эпохе Великого переселения народов («Варвары и империи»), периоду VII–IX вв. («Новые мировые державы: империи, каганаты, халифаты»), столетиям с X по XII («Мир около тысячного года. Расцвет

средневековых цивилизаций») и следующим полутора векам («*Rex Mongolica* и апогей средневекового Запада (XIII – середина XIV века)), и, наконец, завершает издание раздел под названием «Накануне нового времени. Мир к 1453 году», охватывающий последнее столетие того, что авторы тома считают Средневековьем. Внутри разделов изложение ведется по странам и регионам мира: с некоторыми вариациями рассматриваются Западная Европа, Центральная Европа и славянский мир, Русь, Византия, исламский мир, кочевые общества, Индия, Китай, Юго-Восточная Азия, Корея и Япония; есть также отдельные экскурсы в историю Эфиопии, Африки и Америки. При этом материалы отдельных глав иногда выходят за обозначенные в названиях разделов хронологические рамки.

Книга открывается введением и завершается заключением, где обсуждаются многие ключевые для современной медиевистики темы; несколько глав теоретического характера разбросаны также по разделам тома. Среди этих тем сущность средневековья и возможность применения этого понятия к истории неевропейских стран; связанная с ним характеристика концепта «феодализм» с точки зрения классической историографии и его критика в историографии современной; структуры повседневности, в том числе климат и зависящие от него формы производства и потребления, а также базовые ячейки социальной организации, такие как семья и домохозяйство; феномен средневекового города; модели политогенеза и развития государственности; влияние пандемий, конкретно – «Черной смерти» XIV в. на развитие средневекового социума и др.

Все концептуальные главы тома написаны либо П. Ю. Уваровым, либо теми исследователями (А. А. Анисимовой, И. В. Дубровским, Н. Н. Крадиным, А. А. Сванидзе), которые являются его единомышленниками, а также, за исключением Н. Н. Крадина, сотрудниками возглавляемого им Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН. Основу его концепции составляет мир-системный подход, опираясь на который он и обосновывает возможность использования термина «средние века» применительно ко всей ойкумене, а не только к истории Европы и Средиземноморья (с. 8). Системообразующим средневековый мир фактором признаются также кочевые «империи», присутствие которых «станет атрибутом средневековой Мир-Системы, во многом определяя динамику ее развития. И когда кочевые империи перестанут угрожать оседлой части Евразии, то это уже станет одновременно и причиной, и следствием окончания средневекового периода» (с. 11). Кочевники способствовали краху империй периода поздней древности, распространению технических новшеств,

приведших к доминированию конницы над пехотой, что является одной из характеристик феодальной эпохи как в Европе, так и за ее пределами, связали воедино удаленные части средневековой ойкумены, по которой стали со значительно большей интенсивностью, нежели ранее, циркулировать товары, идеи, изобретения и болезнетворные организмы, вызвавшие великие пандемии VI и XIV вв. («Юстинианову чуму» и «Черную смерть»). Одновременно кочевники влияли на социально-политическую структуру оседлых государств, с которыми соприкасались. Наиболее близкие их соседи формировали централизованные государства, удаленные же могли позволить себе «роскошь» политической раздробленности, одним из вариантов которой был западноевропейский феодализм (с. 12, 813–815). Впрочем, как справедливо отмечает Н. Н. Крадин, верна и обратная зависимость: существование крупных централизованных государств заставляло кочевников объединяться, чтобы эффективнее их грабить и взимать с них дань (с. 491–492). Даже сама периодизация тома отражает ритмы нарастания и спада кочевой угрозы земледельческим цивилизациям, исходившей из евразийских степей. Апогеем Средневековья авторы считают XIII – начало XIV в., названные ими «расцветом Запада» и «монгольским миром».

Разумеется, любое обсуждение сущности средних веков как периода европейской и мировой истории невозможно без анализа такого термина, как «феодализм», и скрывающихся за ним социально-экономических и политических реалий. Авторы соответствующего очерка П. Ю. Уваров и И. В. Дубровский справедливо указывают на наличие узкой (политико-правовой) и широкой (социально-экономической) трактовки феодализма и достаточно убедительно демонстрируют, что «феодализм» в политическом смысле оформляется не ранее конца XII в., когда феодальная система «захватывала лишь небольшой сегмент общественных отношений» (с. 30). Куда меньше внимания уделено характеристике сеньориального строя, т.е. «феодализма в широком смысле слова». Оговаривается лишь, что «сеньория в классическом ее понимании (соединение поземельных отношений с политическим господством) сформировалась примерно тогда же, там же и по тем же причинам, что и система феодальной иерархии» (с. 30). Остается неясным, существовал ли, по мнению авторов, феодализм как социально-экономический строй в средневековой Европе и возможно ли применение широкой трактовки феодализма к обществам за ее пределами. Вместо этого они обращаются к проблеме адекватности тех категорий (государство, собственность, общество, религия), при помощи которых мы анализируем средневековый (и не только) социум. Ссылаясь на современного французского медиевиста

А. Герро, П. Ю. Уваров и И. В. Дубровский утверждают, что более оправданным будет применение к нему таких понятий, как *dominium* (связь господства и подчинения, которая предполагала одновременно и власть над людьми, и власть над землей) и *ecclesia* (как форма человеческого общежития, как «община верных») (с. 31–32). Это, безусловно, интересный подход, имеющий отношение, прежде всего, к анализу ментальностей, коллективных представлений. Однако, по нашему мнению, он представляет собой, скорее, уход от решения проблемы, чем ответ на вопрос о возможности обозначения социально-экономического строя средневекового общества как феодального. В конце концов, Э. Дюркгейм, к которому восходит увлечение изучением коллективных представлений, относил к социальным фактам не только их, но и материальные условия жизни человека, которые в итоге и формируют эти коллективные представления.

Следующая глава, написанная И. В. Дубровским, посвящена как раз некоторым материальным «структурам повседневности»: потреблению и питанию, климату, сельскому хозяйству, семье и домохозяйству. Разумеется, сюда можно и нужно было добавить очерки, посвященные коммуникациям и демографическим процессам, что позволило бы глубже проникнуть в сущность социально-экономических отношений средневекового социума, но, видимо, ограничения в объеме тома не предоставили такой возможности. В этой же главе автор фиксирует рутинный характер развития сельскохозяйственной техники, что, в общем, согласуется с традиционными представлениями о производительных силах средневекового общества. А вот его наблюдения относительно эволюции типов семейной и домохозяйственной организации интересны и нетривиальны: эволюционистские представления о смене больших семей малыми неверны, в средние века они сосуществовали, причем солидарность родственников в периоды политической и социальной нестабильности только усиливалась, приводя к объединению супружеских семей в кланы (с. 51–52).

Еще одна концептуальная идея, выраженная в томе, касается действия так называемого «закона Ибн-Халдуна», сформулированного еще в XIV в., согласно которому в обществах, практикующих полиганию, в третьем-четвертом поколениях правящий род разрастается настолько, что происходит дестабилизация государства и его распад. Если Н. Н. Крадин применяет его по отношению к кочевым обществам (с. 276, 496, 629), что выглядит абсолютно оправданным, то П. Ю. Уваров, ссылаясь на работы американского клиометриста П. В. Турчина, трактует его максимально широко: речь идет о разрастании не только правящего рода, но всей элиты, которое ста-

новится гибельным, когда численность ее представителей вырастает до такого уровня, что их душевой доход падает ниже минимума, обеспечивающего ее «достойное (по меркам данного общества) существование». Тогда недостающее начинает черпаться из средств, предназначенных на общественные нужды, что ведет к упадку экономики, обнищанию населения и оскудению казны, деградации военной мощи, а в итоге – к полномасштабному кризису и смене власти. Эта теория, по мнению П. Ю. Уварова, «неплохо описывает судьбы большинства политических образований средневековой Мир-Системы» (с. 813). Тем не менее самым «вопиющим исключением» из ее действия была Европа, где не было перепроизводства элит, потому что значительную часть господствующего класса составляли клирики, на которых распространялся обет безбрачия, а среди светской знати господствовала формальная моногамия. Кроме того, свою роль сыграл майорат, существовавший в большинстве стран Европы (с. 817).

Думается, что распространение «закона Ибн-Халдуна» на некочевые общества весьма спорно. Во-первых, Русь была тоже христианским и моногамным обществом, но, по мнению П. Ю. Уварова, усобицы, раздиравшие древнерусское общество, были проявлением его действия. На Руси не было майората, но не было и заметного количества бастардов, которых на Западе их отцы старались легализовать или каким-либо образом пристроить. К тому же майорат появился в Европе не сразу и не везде, так же как не сразу и не везде оформились более-менее четкие правила престолонаследия. И вообще, по нашему мнению, наличие большого количества молодых аристократов, лишенных наследства, само по себе является дестабилизирующим обществом фактором. Во-вторых, мы можем указать на одно восточное исламское государство, которое не испытало коллапса, хотя там, разумеется, практиковалась полигамия, – это Османская империя. В-третьих, западно-европейские общества тоже переживали периоды внутренних кризисов: империя Каролингов в IX в., Англия в IX в., в эпоху Этельреда Нерешительного, в период гражданской войны XIII в., во времена войны Роз в XV в., Франция периода правления Карла Безумного и Жанны д'Арк, а затем – Религиозных войн, Священная Римская империя при последних Штауфенах и после них и т.д. Так что, видимо, кризисы, в ходе которых происходило обновление социальной элиты, свойственны всем средневековым обществам на всем протяжении их существования. Другое дело, что в Европе эти кризисы чаще всего не приводили к кардинальному перекраиванию ее политической карты, что было обусловлено, и с этим наблюдением П. Ю. Уварова нельзя не согласиться, отсутствием непосредственной угрозы со стороны империй, прежде

всего кочевых, которые могли бы воспользоваться временной слабостью того или иного европейского государства и стереть его с лица земли.

Выше уже отмечалось, что среди авторского коллектива нет единообразия в методологических подходах. Само по себе это неплохо, но все же хотелось бы, чтобы в одном издании не существовало прямо противоположных подходов и утверждений. Например, в начале главы о путях политогенеза в средние века П. Ю. Уваров утверждает, что о «бессинтезном» пути политогенеза можно говорить лишь «в виде метафоры, во всяком случае, для средневековой Мир-Системы, все элементы которой были связаны между собой если не прямыми, то опосредованными влияниями» (с. 484), а Е. А. Мельникова несколько ниже описывает Макробалтийский регион именно как одну из таких бессинтезных зон (с. 499–500). Впрочем, исследователь в некоторых случаях отчасти противоречит и сама себе. В одном месте (с. 408) она утверждает, что в Скандинавии преобразование дружинных государств в средневековье завершилось к концу XI в. (в крайнем случае, в первой половине следующего столетия). Но буквально уже через три страницы она пишет, что «скандинавские страны в XIII в. преобразуются в феодальные государства». При этом автор не уточняет, существует ли разница между понятиями «средневековое государство» и «феодальное государство» или они употребляются как синонимы.

Не во всем авторскому коллективу удалось добиться единообразия и в организации изложения материала по отдельным странам и регионам. Так, в главе о Византии X–XII вв. (авторы Г. Г. Литаврин и А. К. Гладков) и в параграфе об Испании в XI–XII вв. (авторы П. Ю. Уваров и Ю. Е. Арнаутова) отсутствуют очерки политической истории, что, безусловно, затрудняет для читателей «широкого круга», на которых в том числе рассчитано издание, понимание происходивших там процессов.

На страницах тома присутствуют некоторые весьма спорные утверждения, граничащие с фактически ошибками. Например, Н. Н. Крадин пишет, что венгры «по пути [на Запад] около Киева разбили русскую княжескую дружину и, взяв большую контрибуцию, откочевали в Паннонию» (с. 343). Хотелось бы уточнить, из какого источника почерпнуты эти сведения, поскольку об этом факте древнерусской истории авторы рецензии слышат впервые. Е. А. Мельникова помещает «Русский каганат» в Ладожско-Ильменском регионе (с. 501), в то время как создатель этого термина В. В. Седов предполагал его на территории Черниговщины. Ей же принадлежит крайне спорное утверждение о малом количестве рабов у скандинавов (с. 503).

В рецензируемом тексте встречаются стилистически не вполне корректные и даже курьезные

утверждения и термины, например, что «в борьбе городов против сеньоров всегда присутствовал сеньориальный элемент» (с. 444). Возникает резонный вопрос: что авторы данного очерка – П. Ю. Уваров и Ю. Е. Арнаутова – хотели этим сказать? Или же некоторые образцы некорректного, на наш взгляд, употребления понятий: «протонациональные государства» (с. 505: Е. А. Мельникова о Древней Руси, Дании, Швеции и Норвегии X–XI вв.), «центр текстильной промышленности» (с. 536: М. А. Юсим о Лионе в XIII в.; мы считаем, что лучше было написать «центр текстильного ремесла» или «центр текстильного производства»), «граждане» (с. 543: М. А. Юсим о подданных английского короля Генриха III) и др.

Наконец, необходимо указать на пробелы в освещении авторами тома тех или иных регионов мира. В параграфе, посвященном политогенезу в Макробалтийском регионе, отсутствуют сведения о полабских и поморских славянах. Разумеется, они не создали политий, предшествовавших современным национальным государствам, однако для типологических построений учет их исторического опыта был бы, как представляется, весьма полезен. Нако-

нец, три огромных белых пятна на карте тома составляют Кавказ, Сибирь и Дальний Восток России и Океания. Конечно, история двух последних регионов практически не освещена в письменных источниках, но, думается, что данных археологии, лингвистики и генетики на сегодняшний день вполне достаточно, чтобы хоть на нескольких страницах обозначить основные вехи освоения человеком этих частей света.

Все высказанные здесь замечания, несмотря на большой их объем, ни в коем случае не принижают значение этого монументального труда и вклад в его создание каждого члена авторского коллектива и редакционной коллегии во главе с П. Ю. Уваровым. Безусловно, выход его в свет – это знаковое событие в истории отечественной медиевистики и востоковедения. Чтение его следовало бы рекомендовать каждому, кто хочет составить современное представление о средневековье и его месте во всемирной истории. Данное издание вышло малым тиражом. Впрочем, эта проблема уже в значительной степени решена благодаря усилиям «интеллектуальных пиратов», разместивших электронную версию книги в сети Интернет.

Воронежский государственный университет

Глебов А. Г., доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-14

Воронежский государственный технический университет

Золотарев А. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии

E-mail: antoniusaurelian@mail.ru

Тел.: 8-920-464-73-34

Voronezh State University

Glebov A. G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the History of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State Technical University

Zolotarev A. Yu., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the History and Political Science Department

E-mail: antoniusaurelian@mail.ru

Tel.: 8-920-464-73-34